

В. П. РАКОВ

ЯЗЫКОВОЙ КВАНТ В СИСТЕМЕ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ ПОЭТИКИ

1. Речь идет о минимальной единице эстетического высказывания, с понятием о которой связана «тайна, которую нужно раскрыть» (4). Цитата взята нами из текста Р. Якобсона, приложившего немало усилий в указанном направлении. Итоги его штудий таковы: а) квант обладает звуковой формой, наделенной тем или иным значением, и б) непредставим вне «колебательных движений» (там же). Смысл, звук и его модуляции – ключевые слова, с помощью которых исследователь пытался создать теорию языкового кванта. При этом обнаруживаются противоречия ученого, находящегося в «промежутке» когнитивных парадигм, свойственных науке и искусству Серебряного века.

2. В самом деле, искомая величина усматривается в сфере семантически насыщенного звука и в контексте его волновой динамики, что проявляет классическую традицию, лежащую в основе суждений филолога. Однако строй художественной речи релятивистского типа слагается не только из названных доминант; он включает в себя как звук, так и *беззвучие*, равно как мысль, так и *безмыслие*. Скажем и о том, что в представлении Якобсона квант – «часть» традиционно трактуемой речи. Исследователь, и мы видели это, фиксирует ее волнообразность, но почему-то не делает более смелого шага вперед, который позволил бы осознать, что исходная величина высказывания есть и «часть» (частица), и волна – в одно и то же время. Последнее свойство достигается не только за счет колебательности звука, но и благодаря его отсутствию.

3. Дело в том, что релятивистская поэтика культивирует и тип словесно-сплошного предложения, и такую его модель, где лексическая сплоченность разбивается внедренными в нее элементами деструкции, то есть разрывами. Художественное высказывание из монолитного превращается в дискретное. Эта операция проводится с помощью синтаксических ресурсов, в частности, отточий и тире. Теперь эстетическое предложение может начинаться не словом, а – одним из названных символов, в некоторых же случаях – и тем, и другим вместе. Обрисованная модель действительна и в финальной части текста. Что же касается его срединных областей, то их разрывность передается различными средствами, но функции тире (и дефиса) имеют первенствующее значение.

4. Чередование знака «ничтожности», то есть вербально неструктурированного содержания, и слова есть квант как ядерный компонент высказывания. Его онтологическая специфика выражается в идее «безначалия» и «безграницья», кодирующей формой чего выступают тире и отто-

чия. Они знаменуют ту содержательную «пустоту», которую мы именуем меоном. Единство этого вакуума и словесной морфности обуславливает волновую конфигурацию речения, делая его совершенно непохожим на традиционно сформированное высказывание. Таким образом, общая картина стиля или его оптика кардинально отлична от классических образцов. Если там мы имеем дело с однородным, именно, лексическим, материалом, текста, то здесь слово непременно требует соседства с не-словом, с тем, что, обладая неким содержанием, вербально выраженным быть не может. Оно удостаивается не выражения, но – лишь обозначения. Так стиль оказывается насыщенным стихией невыразимого.

5. Эта специфика нового *письма*, в основе которого залегает синергетическая структура кванта, делает эстетическое высказывание в наибольшей мере соответствующим природе поэзии, освобожденной, наконец, от классической сплошности речи. Единство логосного и доязыкового, фонетически оформленного и звуконулевого стало источником глубинных смыслов и коннотативных ореолов – несравненно более разнообразных, нежели это свойственно традиционным формам высказывания. Новостью было и то, что в систему содержательно-морфологических компонентов речения было вовлечено то, что является плоскостью или поверхностью, без которой невозможно выполнение столь важной задачи, как *визуализация* текста. Описываемые процессы были остро зафиксированы художником, находившимся в позиции теоретико-эстетического нейтралитета. Тем более значимо его наблюдение. Мы говорим о П. Клоделе, который писал: «Это соотношение слова и безмолвия, текста и пустоты является источником особой поэзии, поэтому *страница* – вотчина поэзии <...> (1).

6. Хотя мы и сказали, что квант включает в себя элемент безмыслия, все же это положение не следует понимать буквально, потому что как линия (тире, дефис), так и точка (отточие), конечно же, содержательны и их надо воспринимать в качестве символов вероятностно преобразованной и дословесно представленной семантики. Это утверждение аргументируется обширными материалами, вскрывающимися при изучении эзотерического пласта, в частности, европейской и русской культур, где точка и линия есть знаки доязыкового и всегда актуального содержания, а также символы, несущие в себе следы онтологического понимания космоса и выражающего его письма (см.: 2).

7. В свете сказанного ясно, что квант содержательно и морфологически укоренен не только в истории культуры, но и в таких формах, которые ей предшествуют.

8. Традиционное литературоведение, зараженное рационалистическим позитивизмом, проходит мимо сложной структуры синергетических

стилей и до сих пор пытается изучать литературу Серебряного века в духе М. Гаспарова. Это – симптом методологического кризиса.

9. Если текст, по слову М. Бахтина, есть первичная филологическая реальность, то в чем специфика ее релятивистской модели, о которой мы размышляем в нашем сообщении? Ясно, что указанная реальность складывается из таких качеств, как понятное/непонятное, семантически ясное/темное, морфное/бесплотное, структурированное/хаосогенное и т. п. И вот то, что не достигло уровня формы или вербальной определенности и остается в зоне «неназванного», но лишь обозначенного, придает тексту дотоле небывалую культурно-типологическую оригинальность. «Неназванное» пронизывает собою архитектуру текста, делает его ажурным и морфно-разреженным. И то, что таится в образовавшихся «безднах» (М. Цветаева), есть стихия меона, которую мы, пользуясь термином С. Франка, именуем *непостижимым* (З) – хотя бы потому, что, присутствуя в высказывании и даже обладая регулятивными функциями в его структуре, оно не имеет собственной формы. Как было отмечено выше, бытие данного элемента не ограничивается каким-то одним участком текста; напротив, он прорастает на всем его протяжении, погружая вербальную форму в пучину иррационального, неизъяснимого, загадочного и, скажем резко, доразумного. Таким образом, текст приобретает свойства *трансфинитности* (там же), что затрудняет дискурсивное понимание стиля как предложения, требуя интуитивного его восприятия.

10. В свое время мы много писали о генеративных ресурсах релятивистской поэтики. Здесь же скажем, что источники порождения стиля заключаются не только в слове, но и в неотрывном от него *непостижимом*. Квантовая структура распространяется на конфигурацию всего «тела» высказывания. Поэтому, если бросить на него общий взгляд, то обнаружится *ризомный* принцип формирования выразительной формы. В сравнении с телеологически обусловленной структурой классических стилей, она komponуется в модусе случайностной и вариативно-множественной манифестации. Так создается феномен *чуда*. Все вышесказанное можно расценивать как попытку уяснения его эстетических устоев.

Библиографический список:

1. **Клодель П.** Философия книги // *Homo legens*. М., 1983. С.157.
2. **Раков В. П.** Филология и культура. Иваново, 2003. С. 85-91.
3. **Франк С. Л.** Непостижимое // **Франк С. Л.** Соч. М., 1990.
4. **Якобсон Р.** Звук и значение. // **Якобсон Р.** Избр. работы. М., 1985. С. 31.